

Анна Сабурова
Детские
Смешки

Леонид Сергеев
Летние
Сумерки
Рассказы

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84.Р7
С32

Художник
ЕВГЕНИЙ СОКОЛОВ

С $\frac{4702010200-238}{083(02)-86}$ 138—86

© Издательство
«Советский писатель», 1986 г.

ТРАВА У НАШЕГО ДОМА

Он был моим самым близким другом в детстве. Мы с ним проводили все дни напролет, с утра обегали наши владенья: поляну с небольшим болотцем и пружинящим деревянным настилом через низину, березовый перелесок, овраг, в котором струился ручеек, и, наконец, бугор. Мы влетали на бугор и останавливались передохнуть. С бугра открывался прекрасный вид на зеленый луг, по которому проходила железная дорога и до самого горизонта поднимались и опускались телеграфные провода. Каждое утро по железной дороге проносился скорый; он никогда не останавливался на нашем полустанке, мы и пассажиров не успевали рассмотреть — так, два-три лица, прильнувшие к стеклу. Но мы все равно их провожали: я махал рукой, а Яшка кивал бородой. Я сильно завидовал тем, кто мчал в поезде, мне тоже хотелось путешествовать, побывать в разных городах. А Яшка им совсем не завидовал: поезд скроется, и он спокойно пасется на бугре, щиплет сочную траву, время от времени наполняя утреннюю тишину громким блеяньем. Я ложился рядом с Яшкой, обнимал его за шею, делился с ним своими мечтами, и он всегда внимательно смотрел на меня своими зелеными глазами и слушал, правда при этом не переставал жевать. Выслушает, качнет головой, как бы говорит: «И куда тебя тянет? Здесь отлично, всего полно. Смотри, сколько ромашек! И чего их не лопаешь?»

В то послевоенное время мы жили в Заволжье, в небольшом поселке, при эвакуированном из Москвы заводе, на котором работал отец. Семья у нас большая: кроме меня еще двое детей, и, сколько я помню, мы постоянно нуждались. Чтобы расплачиваться с долгами, отец с матерью каждую весну покупали месячного поросенка, полгода его откармливали, а к зиме продавали на свинину. Но однажды родители вернулись домой с пустыми руками — на поросят поднялись цены, — а через несколь-

ко дней отец принес домой белого козленка. «На худой конец и он сойдет», — сказал. Козленку было три недели, его тонкие ножки еще разъезжались на полу, он жалобно блеял и мягкими губами теребил занавески — искал мать. Первое время козленок сосал молоко из бутылки с соской и спал с нами, с детьми, под тулупом на полу. Бывало, утром вскочит, наступит на руку острыми копытцами и заблеет — просит молока. Потом козленок стал есть все подряд, все, что мы ели, а как только на пригорках зазеленела молодая трава, мне, как старшему, отец разрешил выводить его на прогулки. С этого все и началось. Мы с Яшкой (козленка называли Яшкой) привязались друг к другу; он ходил за мной как собачонка, а я доверял ему все свои тайны. Там, на бугре, мы устраивали игры: кувыркались, бегали наперегонки, перескакивая через лужи и коряги, причем вначале Яшка вырывался вперед, но скоро я настигал его, и некоторое время мы неслись рядом, а потом Яшка начинал сдавать. Тогда он резко останавливался и подпрыгивал на одном месте, как бы предлагая новый вариант игры. Здесь уж, естественно, первенство было за ним. Видя, как я неуклюже отрываюсь от земли, Яшка только ухмылялся и взлетал все выше, временами даже зависал в воздухе и искоса поглядывал на себя, любуясь своей ловкостью. Под конец этот бахвалец на радостях брыкался задними ногами и трубил на всю окрестность о своей победе.

Ближе к лету Яшку переселили в пристройку, в которой обычно держали поросенка. К этому времени Яшкина пушистая шерстка превратилась в блестящие завитки, его взгляд стал более осмысленным, а на лбу появились бугорки; пробивающиеся рожки чесались, и Яшка все время лез ко мне бодаться. Припадал на передние ноги, качал головой — явно вызывал помериться силами. Я становился перед ним на корточки, и мы упирались лбами друг в друга. Побеждали попеременно, и надо отдать Яшке должное: когда он наседали и я кубарем скатывался под уклон бугра, он никогда не подсказывал и не бил сбоку — ждал, пока я поднимусь и приму оборонительную позу. В нем было какое-то врожденное благородство. Позднее, когда у Яшки появились рожки, случалось, он не рассчитывал свою силу, и тогда мы ссорились. Например, издаст предупредительный клич, разбежится, скакнет и летит на меня, наклонив башку. Я, конечно, отпрыгивал в сторону, и Яшка врезался в ку-

сты, но, бывало, я не успевал увернуться, и Яшка больно бил меня в живот. Тут уж я не выдерживал и тоже поддавал ему как следует. Долго мы не дулись, Яшка первым подходил, клал голову на мои колени, виновато подергивал хвостом и теребил ботинок копытцем: брось, мол, стоит ли ссориться из-за мелочей, ведь мы друзья! Такой ласковый был козленок.

В полдень я ненадолго оставлял Яшку одного: привязывал его веревку к вбитому в землю колышку и шел домой обедать. С обеда я притаскивал ломоть хлеба, картошку, морковь — Яшка все уминал, и мы спускались в поселок. Прежде всего мы подходили к сапожнику дяде Коле, он работал в своем доме у открытого окна и брал обувь прямо с улицы. Зажмет между колен железную лапку, сидит себе на табуретке и вколачивает в башмак гвозди один за другим. Воткнет гвоздь наискосок, чтобы лучше входил, и вколачивает, а другой держит во рту наготове, губами за шляпку. Прибьет подметку, поставит башмак на деревянную плашку и отрежет лишнюю кожу. Нож у него был широкий, из пилки; резал кожу мягко, как масло. Дядя Коля обточит ботинок на наждаке, промажет краской — и все это делал мастерски: легко, играючи — он слыл виртуозом, потому что вкладывал в работу всю свою любовь к кожевенному ремеслу. Мы с Яшкой всегда подолгу простаивали около дяди Колиного окна: я наблюдал за его работой, а Яшка дожидался капустной кочерыжки, которую дядя Коля всегда припасал для моего козленка. Что меня больше всего поражало, так это умение дяди Коли по обуви угадывать хозяина. Подаст ему какая-нибудь старушка сбитый ботинок, а он посмотрит и скажет:

— Что, он у вас футболист?

И старушка сразу закивает:

— Житья от него нету. Отец только на обувь и работает. Вторые за месяц сбил... да еще штраф за разбитые окна заплатила...

Или принесет какая-нибудь девчонка сандалии, дядя Коля проведет пальцем по стертых носам и улыбнется:

— Танцовщицей, наверно, хочешь стать?

И девчонка кивнет, опустит глаза и покраснеет. Дядя Коля мог определить, кто ходит прихрамывая, кто ко-солапит, кто ходит красиво...

Дядя Коля был родом из Белоруссии, во время войны партизанил, после ранения его эвакуировали в За-

волжье. Низкорослый, худощавый, он носил очки и при ходьбе сутулился. Он жил в старом доме с обшарпанными стенами, зато его яблоневый сад считался лучшим в поселке. Сад огораживали высокие колья, похожие на гигантские карандаши; у широкой калитки, в которую свободно въезжал грузовик, спал огромный, как медведь, пес Артур. Такие внушительные бастионы и стражу дядя Коля завел вовсе не для охраны фруктов — просто, как многие люди маленького роста, он любил все высокое. Под осень мы залезали в сад, трясли яблони, предварительно выманив Артура на улицу жмыхом — он ужасно его любил. Каждый раз после этих набегов дядя Коля рассказывал нам о каких-то мальчишках, попортивших в саду деревья, и подробно объяснял, как можно собрать фрукты, не поломав ветвей. Бывало, в эти минуты подбегал Артур и небожно покусывал наши ботинки — он-то чуял, чья обувь истоптала сад. У Яшки с Артуром были вполне дружеские отношения: заметив козленка, пес вставал, потягивался, приветливо размахивал хвостом, подходил вразвалку и покровительственно лизал Яшку большим шершавым языком. А иногда, в знак высшего расположения, притаскивал козленку обмусоленную кость. Конечно, не обходилось без размолвок. Случалось, Яшка забывался и начинал объедать флоксы около дяди Колиного дома. Тогда Артур скалился и рычал, а Яшка сразу вставал на дыбы.

Дядя Коля любил мне что-нибудь рассказывать. Чаще всего о том, как он будет жить, когда станет лесником.

— Вот выйду на пенсию, сад оставлю поселчанам, сам с Артуром переберусь на природу. У нас ведь здесь все ж заводской поселок, а я хочу жить поближе к земле, к зверью. Устроюсь куда-нибудь лесником на кордон, построю дом из ветвей и травы и крышу из хвои, буду приручать зверюшек...

Однажды мы с Яшкой подошли к дяде Коле, он кивнул мне, кинул Яшке кочерыжку и стал молча подшивать валенок: прокалывал шилом дырочки и протягивал просмоленную дратву. Подшил подошву, начал пробивать ее деревянными гвоздями, чтобы лучше держалась, когда гвозди разбухнут. С полчаса работал и все молчал. «Что ж такое случилось? — думаю. — Может, обиделся на нас с Яшкой за что?» А дядя Коля починил валенок и посмотрел на меня поверх очков;

- Давай сними-ка ботинки.
 - Зачем?
 - Подбить надо. Того гляди пальцы вылезут.
 - У меня денег нет,— пробурчал я.
 - Снимай, говорю! — нахмурился дядя Коля.
- Я нагнулся, стал развязывать шнурки.

Починил дядя Коля мои ботинки, промазал краской, стали ботинки как новенькие. Надел я их, а дядя Коля вздохнул:

— Был у меня такой вот сынишка, как ты... Расстреляли его немцы вместе с моей жинкой... Вывели во двор и... Прямо на моих глазах. За то, что укрывали нас, партизан... А меня повесить хотели, да не успели — наши на хутор ворвались... Все мечтали мы с пацаном податься в лесничество, построить дом из ветвей и травы... и крышу из хвои... приручать разных зверюшек...

От дяди Коли мы с Яшкой направлялись к «крокодилю» — так звали тетку Груню за то, что она свои владенья от мальчишеских набегов огородила плотным забором и еще установила дополнительные барьеры — насаждала крапивы и репейник. В ее палисаднике росло множество цветов: георгины, пионы, гвоздики, табак. Время от времени мы посылали в палисадник бумажных голубей с угрожающими записками, а по воскресеньям, когда тетка Груня уезжала в город, пролезали через забор, срывали головки цветов и, играя в войну, раздавали цветы как ордена. Георгин считался орденом Красной Звезды, пион — орденом Александра Невского, гвоздики и колокольчики — разными медалями. Отмечали друг друга щедро, даже за готовность к подвигу — в петлицах наших рубашек красовалось столько наград, что позавидовал бы любой фронтовик. После каждого воскресенья клумбы заметно редели; обходя кусты, «крокодилю» только вздыхала и качала головой, а мы посмеивались и все больше смелели — забирались в цветник и в будни по вечерам...

Около палисадника мы с Яшкой останавливались, находили лазейку, я срывал несколько бутонов, а Яшка, как бы невзначай, объедал пару георгинов — ему очень нравились эти яркие цветы. Он вообще любил все яркое: изумрудную траву у болотца и ромашки на бугре, красную колонку посреди поселка, из которой всегда лилась струя, точно перекрученная стеклянная веревка; он подходил к колонке, почесывал о нее бока, наклонялся к де-

рѣвянному желобу и долго пил прохладную воду, бегущую среди гальки и тины. И красную тесьму Яшка предпочитал обычному холщовому поводку. А когда я раздобыл ему медный колокольчик, он перед всеми задира л голову и хвастался своим ярко-желтым украшением.

Однажды в середине лета, когда Яшка уже сильно подрос, мы с ним пролезли в палисадник; я стал тянуть какой-то венчик, а Яшка принялся за георгины. Вдруг перед нами возникла «крокодилиха». Яшка сразу сдрейфил и дал стрекача, рассыпая черные горошины, а я от страха онемел, точно обмороженный, даже не успел спрятать цветок за спину; нагнул голову и жду наказания. Но «крокодилиха» неожиданно только глубоко вздохнула.

— Что же вы делаете? Я ж букеты в детский дом отвою. Детишкам, у которых родители погибли на фронте. А вы?!..— Она махнула рукой, подошла к калитке, распахнула ее.— Зови своих дружков. Дорывайте!..

С того дня «крокодилиха» снова стала теткой Груней, и хотя калитка в ее палисадник больше не запиралась — никто не сорвал ни одного цветка. Даже Яшка обходил палисадник стороной — такой сообразительный был козленок!

На окраине нашего поселка пролегалo шоссе — наполовину асфальтированная, наполовину мощеная дамба. По ту сторону дамбы находилась керосиновая лавка, каморка утильщика и мастерская по ремонту замков, примусов, патефонов и прочего. За мастерской начиналась городская свалка. Ее называли городской, несмотря на то что город находился в семи километрах от нашего поселка. Видимо, городские власти рассматривали наш поселок как никчемное место, годное лишь для хлама. Мы с Яшкой любили ходить по свалке; я собирал старые журналы, разные бракованные детали, Яшка искал в основном огрызки овощей, но если ему попадалось что-нибудь несъедобное, но яркое, он сразу звал меня. По свалке кроме нас с Яшкой бродили и старушки, которые палками разгребали груды мусора в поисках чего-нибудь достойного внимания. Старушки точно знали время приезда грузовиков, и, случалось, им доставалась неплохая добыча в виде немного надбитой посуды, не совсем изношенной обуви, шляп...

После свалки мы с Яшкой подходили к мастерской и через открытую дверь наблюдали за работой мастера,

молодого, вечно небритого мужчины с сиплым голосом. Заметив нас, мастер обычно усмехался и отпускал какую-нибудь дурацкую шуточку, вроде такой:

— Ну что, подковать своего козла привел? Все одно коня из него не сделаешь. Козел — он и есть козел. И толку от него никакого.

После таких слов мы с Яшкой, не сговариваясь, поворачивали и уходили. Не знаю, как Яшка, а я вообще не подходил бы к мастеру, но уж очень хорошая у него была мастерская: на верстаке стояли тиски, на полках лежал слесарный инструмент, в углу виднелся маленький горн с мехами. Я все мечтал, когда вырасту, тоже обзавестись подобной мастерской.

Как-то осенью у моего самодельного самоката треснула петля, а новых нигде не было. Пришлось выпрашивать у матери деньги на ремонт. Мать дала сорок копеек. Пришел я к мастеру, попросил починить петлю. Мастер мрачно посмотрел на меня — он сидел на лавке и паял чайник, — отложил работу и прохрипел:

— Это что, твой второй козел? Ну давай посмотрю... Э-э! Тут варить надо, стручок. Тащи на завод. А как ты думал? — Он взглянул на меня. — Но можно и заклепать вообще-то. Заклепать, что ли?

Я кивнул.

— Ладно, посиди на улице, здесь не мешайся.

Через полчаса мастер поставил железную заплатку на трещину и прикрепил ее заклепками.

— Гони рубль, — сказал он, толкнув самокат ко мне, Я протянул свои монеты и покраснел:

— У меня только сорок копеек.

— Давай, завтра принесешь остальные.

Выкатив самокат, я перешел шоссе и пошел к дому. Помнится, день был пасмурный, с утра накрапывал мелкий нудный дождь. «Где же взять шестьдесят копеек? — соображал я. — Матери лучше не заикаться — не даст. Ждать до полочки отца — долго». И вдруг я вспомнил, что в книжном магазине напротив школы букинист покупает книги у населения. Моя библиотека состояла из трех книг, но у одной не хватало последней страницы, на другой виднелись чернильные пятна, третья — «Остров сокровищ» — была в хорошем состоянии, но ее я считал лучшей на свете. Долго я колебался, сдавать ее или не сдавать, потом все же решился. «Накоплю денег, снова куплю», — подумал и отправился в магазин.

Дождь усилился; уже от водосточных труб тянулись мутные потоки, а на дороге блестели широкие лужи. За книжку я получил две пятнашки — половину недостающей суммы. Вернувшись домой, я сел на подоконник и стал смотреть на запотевшее стекло, на капли, которые соединялись и струйками стекали вниз. Весь тот день Яшка сочувственно посматривал на меня, а когда я ушел в магазин, то и дело выбегал на улицу, озираясь и тревожно блеял — искал меня. Он любил меня по-настоящему и скучал, если я даже ненадолго оставлял его одного. К тому времени Яшка уже вымахал с дяди Колиного Артура, но его сердце не почерствело.

Утром в школу мать всегда давала мне пятак на бублик; приплюсовав его к пятнашкам, я получил тридцать пять копеек. «Но где взять остальные?» — ломал я голову. И вдруг увидел за окном нашу акацию и сразу вспомнил, что на школе висит объявление: «Ребята! Помогайте озеленять наш поселок. Собирайте семена акации». И чуть ниже приписка: «Приемный пункт на рынке. Один килограмм стручков — сорок копеек». Схватив бидон, я помчался к кладбищу — там были целые заросли акации. За мной на подмогу увязался Яшка. Мы с ним прибежали в самый конец кладбища, где кусты акаций отделяли могилы от посевов проса. Дождь все не переставал, беззвучно стекал по стволам деревьев, шуршал в траве, булькал в лужах. Пригибая ветки, я начал рвать скользкие стручки. Яшка встал под дерево как мой телохранитель; он топтался, что-то бурчал и мотал головой — стряхивал капли. Через час я нарвал половину бидона и решил передохнуть. И тут вдруг заметил стайку мокрых воробьев, клевавших осыпавшееся просо под чучелом. Время от времени одна из птиц садилась прямо на чучело и, как бы посмеиваясь над ним, чистила клюв. Чучело сильно напоминало мастера: та же черная рубаша, фуражка, и на голове-чугунке кто-то намалевал ту же ухмылку. Даже Яшка уловил сходство — подошел и боднул деревянного идола.

Стручки оказались легкими. Я принес полный бидон, но получил всего двадцать копеек. На следующее утро денек был отличный — вовсю сверкало солнце. Когда перед школой я бежал в мастерскую, в моем кармане гремело пятьдесят пять копеек.

— Вот деньги... — влетев к мастеру, задыхаясь про-

говорил я.— Здесь не хватает пятака. Я вам завтра принесу. Мне мать даст на завтрак...

— Какие деньги? — просипел мастер.

— Вы вчера... чинили мой самокат...

— Ну и что?

— Я шестьдесят копеек должен...

— А-а! Это хорошо. Давай беги, купи папирос. И живо сюда!

Около нашего дома росла необыкновенная трава: высокая, упругая, ярко-зеленая, пахучая. Мы с Яшкой любили по вечерам полежать в траве, отдохнуть от дневных дел. Над нами трепетали бабочки, жужжали мухи, а перед глазами прыгали кузнечики, ползали изумрудные жуки... Я не раз срывал травинки и жевал сочную горьковатую зелень. Яшка к траве только принюхивался, но никогда не щипал — сохранял для красоты. Такой умный был козленок! На той траве у нашего дома я мечтал побыстрее вырасти, выучиться на инженера и поступить на отцовский завод. И мечтал развести сад, такой же, как у дяди Коли, и цветник, подобный палисаднику тетки Груни, и мастерскую — вроде хибарки мастера. И опять на бугре я доверял свои мечты Яшке. Уставший за день Яшка слушал меня уже менее внимательно, а под конец вообще закрывал глаза.

К зиме Яшка превратился в могучего козла, с крепкими рогами и роскошной бородой. Характер у Яшки заметно испортился — он стал задиаться ко всем животным в поселке, даже приставал к Артуру и только меня любил по-прежнему. Бывало, какой-нибудь мальчишка начнет сыпать угрозы в мой адрес, а то еще и руками махать, Яшка тут же забегал вперед, выставлял рога и бил копытом о землю — давал понять, что не даст меня в обиду. Пока я был в школе, Яшка сидел в загоне около пристройки и вглядывался в дорогу — ждал меня, чтобы отправиться на бугор. Я тоже скучал по Яшке: болтаться с ним по окрестностям мне было интереснее, чем зубрить разные формулы и спрягать глаголы. Учителя не понимали причин моей рассеянности на занятиях и частенько в дневнике писали родителям, что я просто лентяй. Отец с матерью только вздыхали.

Долго они оттягивали разговор о продаже Яшки. Но однажды вечером сквозь сон я услышал, как мать говорила отцу, что продать Яшку вряд ли удастся, она уже предлагала кое-кому на рынке, что Яшку придется за-

бить и продавать мясо. Отец пыхтел папиросой и отмалчивался. Надо сказать, что мой отец был мягким, сентиментальным человеком, любил животных, цветы и грустную музыку. Жизнь крепко побила отца: он рано потерял родителей, с подросткового возраста работал на заводе, на фронте погибли все его друзья; он в одиночку тянул большую семью и жил в захолустье, далеко от родины. В те годы наиболее предприимчивые из эвакуированных уже перебрались в Москву, а отец никуда не ходил и ничего не делал для того, чтобы вернуться. Он был скромным, даже застенчивым человеком. Мать была гораздо энергичнее. Она часто обвиняла отца в мягкотелости и сама ходила в дирекцию завода, писала письма в министерство и в конце концов добилась своего — отца перевели на работу в Подмоскovie. Но это произошло не скоро.

В тот поздний вечер, когда решалась судьба Яшки, отец сказал матери:

— Давай не будем пока этого делать. Немного денег у нас есть, и я должен еще в одном месте подработать, а попозже, ближе к Новому году... Там видно будет...

Зимой мы с Яшкой по-прежнему обегали наши любимые места и, как и летом, провожали скорые поезда, а с бугра катались по накатанному склону: я на валенках, а Яшка на животе. Ему очень нравился снег; бывало, даже купался в сугробах — перекатывался с боку на бок, задрав ноги. Как-то мастер увидел его за этим занятием и ухмыльнулся:

— Твой козел совсем спятил. Забивать его пора, а вы с ним цацкаетесь.

После этих слов мы с Яшкой стали обходить мастерскую стороной. Отец говорил, что, валяясь в снегу, Яшка чистит шерсть, но я-то знал — мой друг просто радовался зиме.

В морозные дни Яшку брали на ночь домой, и мы, как и раньше, спали с ним на полу, в обнимку, причем хитрец Яшка все норовил занять лучшее место, у печки; из-за этого мы всегда долго укладывались. До Нового года мать больше не заговаривала о Яшке, но я не раз замечал, как отец украдкой сидел с моим другом у пристройки, курил папиросу и поглаживал козла. В середине зимы родители погрязли в долгах, а тут еще заболели моя сестра и брат, им нужно было хорошее питание, и мать твердо сказала отцу:

— Ты мужчина или тряпка? Ты думаешь, мне Яшку не жалко? Но чем отдавать долги? И чем кормить детей? Их здоровье мне дороже Яшки!..

Отец долго молча курил, шмыгал носом, потом глубоко вздохнул и пообещал матери забить Яшку в субботу. Этот разговор я опять услышал случайно и в ту ночь долго не смог уснуть. Жизнь Яшки была в опасности, и я решил убежать с ним из дома. На следующий день была пятница. Сразу после школы я обвязал вокруг Яшкиной шеи веревку, и мы с ним направились на наш бугор. Ничего не подозревающий Яшка начал, как обычно, носиться, валяться в снегу, лез ко мне бодаться, но я быстро его пристегнул и потащил к железнодорожному полотну. Я задумал отсидеться с Яшкой на ближайшей станции, пока отец с матерью не найдут другой выход расплатиться с долгами. Мы протопали километра два, как вдруг услышали сзади крик отца, он бежал к нам, махал рукой. Подойдя, отец снял шапку, вытер ладонью взмокшее лицо, закурил, глубоко затянулся.

— Понимаешь...— сказал он, выпуская дым.— Если бы мы с тобой жили вдвоем... мы как-нибудь перебились бы... Но ведь у нас двое маленьких больных... Они не поправятся без масла, молока... Да и долгов у нас полно... Яшку придется...— Отец хотел сказать «убить», но у него не повернулся язык.— Мы с тобой должны быть мужчинами... над нами уже все смеются...— то ли меня, то ли себя уговаривал отец.— Если хочешь, мы заведем собаку,— не очень уверенно добавил отец, прекрасно понимая, что никакая собака не заменит мне Яшки.

Назад мы плелись молча. Яшка все понял — топал, упираясь, понуро опустив голову. Я тоже еле ковылял и беззвучно ревел.

Утром отец куда-то ушел и вернулся с длинным ножом, сделанным из напильника. Пока отец затачивал нож на бруске, я зашел в пристройку попрощаться с Яшкой. Он стоял, прижавшись к стене, подрагивал ногами, тревожно сопел и даже отказался от своего любимого лакомства — морковки. Он даже не посмотрел на меня, только покосился и отвернулся — как от предателя. Когда отец вошел к нему с ножом, он забился в угол и отчаянно заблеял... И вдруг подбежал к отцу и стал лизать ему руки. Отец постоял в растерянности, потом бросил нож и, какой-то обмякший, побрел к дому. Мать пошла по соседям и вскоре вернулась с мастером. Он согласил-

ся убить Яшку не потому, что недолгоблывал его, а просто мать пообещала ему заплатить. К тому же у мастера было охотничье ружье, и мать справедливо решила, что так все кончится быстрее, без всяких мучений для Яшки.

Когда мастер открыл дверь пристройки, Яшка ударил его рогами, вырвался во двор и стал метаться вокруг пристройки. Мастер поймал конец веревки и хотел привязать Яшку к забору, но с большим сильным козлом не так-то легко было справиться. В конце концов мастер плюнул, бросил веревку, вскинул ружье и стал выжидать момента, когда Яшка на мгновение остановится. Я отвернулся, заткнул уши... Потом услышал одновременно и выстрел, и рев Яшки. Повернувшись, я увидел, что Яшка лежит на боку с открытыми глазами и неистово дергает копытами... Через секунду Яшка вскочил и, припадая на передние ноги, пробежал несколько метров, разбрызгивая кровь по снегу, потом упал, и его забила дрожь; эта дрожь становилась все мельче и мельче, пока в Яшкиных глазах окончательно не угасла жизнь.

Моего Яшку убили на месте, где летом мы любили полежать, отдохнуть от наших будничных дел; на месте, где всегда росла высокая ярко-зеленая трава. Я забыл сказать еще об одном свойстве той травы: даже в самые жаркие дни она оставалась влажной, и какие бы мы с Яшкой ни были разгоряченные, какие бы обиды или радости ни переполняли нас, когда мы ложились в ту траву, становилось прохладно и спокойно.

ТО ПРЕКРАСНОЕ ВРЕМЯ

Прошло столько лет, а я до сих пор отчетливо помню тот подъездной путь с ржавыми рельсами, лязг и грохот вагонеток, подвозящих материал на переплавку, шипенье ацетиленовых горелок, и запах жидкого металла, и хлопья, летевшие из вытяжных труб, и увесистые отливки-чурки, остывающие в формах. И проработал-то я всего ничего в том медеплавильном цехе, а вот надо же — навсегда унес с собой те звуки и запахи. Цех находился на окраине города; там же, на окраине, я снимал комнату. В то время я только демобилизовался, навестил родных в своем поволжском городке и прикатил в столицу попытать счастья. Специальности у меня не было, и когда подыскивал работу, особенно выбирать не приходилось; цех подвернулся первым, в него я и устроился. Увидел объявление: «Требуется разнорабочие», пришел, оформился и стал возить вагонетки за девяносто рублей в месяц. Что было хорошо — цех находился под боком, напротив моего дома, так что времени на разъезды я не тратил; и рабочая столовая была приличная, а молоко «за вредность» в цех завозили — хоть залейся. Работал я добросовестно, силенок мне было не занимать, характер я еще имел покладистый и как-то сразу вжился в коллектив. Особенно сдружился с Генкой, подручным мастера, тоже демобилизованным и тоже выходцем из провинции. Мы были одного возраста и быстро поладили — стали подменять друг друга: то он уходил с работы пораньше, то я. В общем, жили неплохо. Иногда мы с Генкой подходили к ларьку за лимонадом. Наш ларец был знаменит на всю округу, и прежде всего тем, что удачно стоял — среди кустарника на берегу пересыхающей речушки; во-вторых, около него всегда колготились старушки с сумками. Можно было взять лимонад и уютно расположиться меж кустиков.

Рядом с ларьком находился пункт стеклотары, он был тоже знаменит, правда в меньшем радиусе: на вид при-

стройка, собачья конура, на самом деле — ненасытное чудовище. Бывало, очередь два раза опоясывала соседний продмаг и ларек, но неизменно вся посуда принималась. Поговаривали, там есть подземное хранилище. Но главным достоинством пункта считался небывалый сервис: после праздников к нашим домам подъезжал грузовик, и за некоторую скидку брались не только бутылки, но и банки.

И все-таки по популярности в районе на первом месте стоял наш ресторан «Встреча» — вполне приличное заведение с деревянным баром и неплохой ритмгруппой. В бар ходила молодежь из близлежащих домов, и на га-зике из Химок приезжали матросы. Бар не вмещал всех желающих попасть в него, и до прихода музыкантов многие посетители толпились у гардероба, но как только музыканты начинали играть, все бросались танцевать. В те редкие дни, когда мы с Генкой заглядывали в ресторан, о чем только мы не болтали за столом! И он, и я хотели поступать в вуз на вечернее отделение, подумывали жениться, занять детишек. Случалось, в ресторане знакомились с девушками (Генке нравились худые, а мне — полные, поэтому мы никогда не ссорились), но у одной уже был жених, другой не нравилось, что мы в солдатской форме и из провинции, — многие москвички оказались избалованными, заносчивыми, не то что наши простые девчухи в провинции; ну а третьи сами не знали, чего хотели. Короче, с настоящей любовью пока не везло, но мы не отчаивались, что нам было-то, всего по двадцать два. Разве ж это возраст для мужчины?! Помню, Генка все говорил: «Представляешь, а ведь где-то сейчас ходят наши невесты, и им невдомек, что через пару-тройку годков мы встретимся и все будет как надо». Я представлял свою будущую жену тихой, послушной и доброй. Главным ее достоинством, конечно, была любовь ко мне: я так и видел, как она пожирает меня глазами, а на других парней — даже таких, как Генка, — ноль внимания. «Вот это девчонка! — рассуждал я. — А то некоторые здесь, в ресторане, придут с одним провожатым, а глазки строят другим». Бывало, там, в ресторане, немного размякнув, мы с Генкой танцевали. Я-то был танцор неважный, а вот Генка показывал класс. Он умел веселиться как никто. Он даже не танцевал, а дурачился. Будучи от природы музыкальным, он пародировал танцы: выделывал такие кренделя, что другие парочки рассту-